

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета на диссертацию Куликовой Марии Сергеевны на тему: «Судебная методология Г. Канторовича: критический анализ поиска “свободного права”», представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук по научной специальности 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Диссертация Куликовой М. С. обладает не просто ярко выраженными научной значимостью и новизной, но и является в какой-то мере уникальным исследованием. Актуальность работы определяется, во-первых, самим комплексом теоретико-методологических идей Германа Канторовича и, во-вторых, созвучием этих идей тем концепциям, которые в начале нынешнего столетия выдвигает юридическая наука в целом, но особенно активный интерес вызывает именно у теоретиков и философов права. Имеются достаточные основания констатировать, что, как это ни парадоксально звучит, учение Г. Канторовича, достаточно хорошо известного российским юристам, не получило надлежащего освещения в специальной литературе.

Как верно отмечает соискатель (С. 7 Диссертационного исследования), изложение воззрений Канторовича, предельно краткое и конспективное, дается в контексте теорий «живого права» и социологического правопонимания в целом. Таким образом, приходится констатировать, что идеи Германа Канторовича, равно как и личность их создателя, продолжают оставаться *terra incognita*, заведомо уступающей в популярности таким его знаменитым современникам, как Л. И. Петражицкий, Е. Эрлих, О. У. Холмс-мл., Р. Паунд и др., высказывавшим во многом созвучные идеи.

Между тем концепция Канторовича вызывает особый интерес в условиях формирования и развития нового, постклассического, правопонимания, представленного в работах А. В. Полякова, И. Л. Честнова, В. В. Архипова, Е. В. Тимошиной, И. И. Осветимской, Е. Н. Тонкова, а также ряда других современных юристов-теоретиков, как в нашей стране, так и за рубежом (см. подробнее: Поляков А. В. Постклассическая юриспруденция, эволюционная теория и нейронауки (исповедь коммуникативиста) // Постклассические исследования права: перспективы научно-практической программы: коллективная монография / под ред. И. Л. Честнова, Е. Н. Тонкова. СПб.: Алетейя, 2023. С. 70). Ключевыми идеями постклассического правопонимания являются: во-первых, признание антропоцентричности правовой реальности, представляющей собой специфический продукт творческой активности человека и человеческих сообществ; во-вторых, диалогическая многогранность и многоаспектность права, предполагающие необходимость применения междисциплинарных методов исследования для получения

релевантных результатов; в-третьих, обусловленность права и конкретных его феноменов более широким социальным, политическим и культурно-историческим контекстом (см.: *Честнов И. Л.* Постклассическая теория права: Монография. СПб.: ИД «Алеф-Пресс», 2012. С. 112 и след.).

Последний из перечисленных признаков, лишь на первый и очень поверхностный взгляд, является уступкой релятивизму и антисциентизму, настойчиво культивируемым некоторыми приверженцами постмодернистской юриспруденции. В действительности же речь следует вести не об отрицании истины, как таковой, ибо в подобном случае на место истины, сброшенной с корабля (пост)современности, немедленно приходит анархический произвол разнокалиберных мнений, маскирующий имплицитное господство политической власти и подчинения (см. об этом: *Лукач Д.* К онтологии общественного бытия. Прологомены. М.: «Прогресс», 1991. С. 47—48). В противовес такому эпистемологическому и методологическому анархизму постклассическая наука, в том числе наука юридическая, вырабатывает новое понимание истины, в рамках которого последняя «трансформируется от корреспондентской теории (соответствие знака референту) к когерентной (соответствие знака другим знакам) и к коммуникативной (значение знака как общезначимого в научном дискурсе) или прагматической (истинность знака – это вера в его эффективность)» (*Честнов И. Л.* Указ. соч. С. 107).

Несложно заметить, что доктрина «судебной методологии», в формирование которой внес решающий вклад Г. Канторович, служит прообразом постклассического правопонимания, особенно в том, что касается его философско-методологических аспектов. Поскольку истина не является готовым и заранее данным результатом, на постижение которого направлены усилия метафизического «субъекта познания», но конструируется вполне конкретными участниками познавательного процесса в ходе дискурсивного взаимодействия, необходимым предварительным условием познания служит применение особых процедур, гарантирующих общезначимость получаемых выводов. В этом смысле, научное познание, равно как и судебное разбирательство, представляют собой, по Канторовичу, процесс интеллектуального творчества, эффективность которого напрямую зависит от процедурного совершенства.

В свете сказанного представляют значительный интерес представления Г. Канторовича о сущности правовой науки и о ее месте в системе социально-гуманитарных дисциплин. В диссертационном исследовании данный вопрос освещается весьма подробно и всесторонне. Как убедительно доказал соискатель, эпистемология Канторовича находится в тесной связи с его правопониманием, а также с разработанной ученым доктриной судейского правотворчества, которое сам он именуется «свободным

правом». При этом построения Г. Канторовича во всех своих аспектах отличаются последовательностью и логической стройностью. Так, по его мнению, наука представляет собой процесс образования, конституирования системы высказываний различной степени общезначимости. Как утверждает соискатель: «Содержание любой науки, как полагает Канторович, можно условно разделить на утверждения (proposition), понятия (concepts), проблемы (questions) и классификации (divisions). Стоит отдельно оговориться, что Канторович специально отграничивает “понятие” (в смысле “номинального определения”) от «определения» (в смысле “реального определения”), которое относится к категории “утверждение”» (С. 53).

В свете вышеизложенного представляют значительный интерес лингво-семиотические аспекты правового познания, привлекавшие особое внимание Канторовича. В диссертационном исследовании убедительно продемонстрирована тесная связь учения Г. Канторовича с семантическими моделями его знаменитых современников – Готлоба Фреге, Чарльза Огдена и Айвора Ричардса, чьи представления о соотношении смысла и значения слов (а также иных знаков) получили весьма своеобразное преломление и развитие в работах Канторовича (С. 63 – 64). Отсюда с необходимостью следует, что право представляет собой своего рода знаковую систему, функционирование которой направлено на порождение смыслов, выступающих средствами конституирования правовой и социальной реальности. Указанный вывод позволил соискателю небезосновательно видеть в Г. Канторовиче одного из тех теоретиков, кто стоял у истоков «лингвистического поворота» в науке первой половины минувшего столетия (С. 12).

Вообще, насколько можно судить из диссертационного исследования, именно в системности Г. Канторович видит один из важнейших признаков права, обеспечивающих универсальность, то есть смысловую общезначимость правил поведения. Соискатель верно замечает, что для Канторовича «все правовые нормы всегда встроены в систему, представляющую собой единое целое... Можно сказать, что критерий “свод правил” универсален, поскольку позволяет рассматривать правила как единое целое, т.е. как объединенные какими-либо общими характеристиками, делающими их согласованными и взаимозависимыми» (С. 81). Вместе с тем кажется примечательным, что системность права Г. Канторович не отождествляет с его иерархическим устройством, в отличие от подавляющего большинства современных юристов, воспитанных в духе марксистского (или немарксистского) этатизма. Право имеет скорее сетевую структуру, которую визуально можно представить себе в виде не столько иерархического древа, сколько известной диаграммы Эйлера-Венна, компоненты которой частично автономны, а частично налагаются друг на друга (С. 82).

Следует отметить, что подобное представление является гораздо более продуктивным и с эмпирической точки зрения, поскольку именно таким образом были устроены правовые порядки прошлого, включая римское частное право, являющееся, возможно, наиболее известным примером сетевой структуры. В свете рассматриваемой концепции приобретают теоретическую значимость два взаимосвязанных, хотя на начальных этапах теоретического осмысления искусственно разъединенных, образа права и правовой реальности, в формирование которых внес значительный вклад и Г. Канторович, а именно как системы и как жизненного мира. Существует большое количество наглядных фактических иллюстраций к тезису о том, что всякое первичное общение, будь то общение межличностное или социальное, имеет форму горизонтального взаимодействия, сохраняющего свою устойчивость до тех пор, пока влияние внешних факторов или усложнение знаковых средств коммуникации не заставляют участников обращаться к посредничеству внешнего авторитета, чья роль как раз и заключается в том, чтобы трансформировать горизонтальные неиерархические связи в вертикальную иерархию.

Антропологические исследования показали глубокую укорененность правовой регуляции традиционного общества в горизонтах жизненного мира людей, а также ее неразрывную связь с моральными, религиозными и собственно правовыми ценностями, выполнявшими ту же легитимирующую функцию, какую лишь в современной высоко технологичной цивилизации начинают выполнять нормы права и государственное принуждение. Следовательно, любая традиционная цивилизация, способная обеспечивать прямое и непосредственное общение индивидов между собой, а также с ближайшим и более отдаленным (в том числе и во времени) окружением, не требует для своего поддержания и воспроизводства общеобязательных правил поведения. Необходимость в последних проявляется в полной мере лишь с наступлением эпохи Модерна, когда на процессы коммуникации, в том числе коммуникации правовой, начинают оказывать влияние тенденции отчуждения и анонимизации человеческой личности, усиливающиеся в современных массовых обществах.

Именно в контексте приведенных рассуждений приобретает теоретическое и прикладное значение доктрина судейского правотворчества («свободного права»), разработанная Г. Канторовичем. Если право как социальный регулятор представляет собой совокупность вертикальных и горизонтальных коммуникативных связей и опосредствующих эти связи правил, то становится очевидной невозможность и утопичность идеи об абсолютно беспробельном конструировании правового порядка. В таких условиях приобретает регулятивное значение судейское правотворчество, именуемое

«эксплицитным правом». По словам соискателя, «отличие эксплицитного формального права, созданного судьями, от имплицитного формального права заключается в том, что в первом случае достаточно одного формального (официального) решения о признании, т.е. решения высшей инстанции, тогда как второй вид права формируется из ряда действий или решений, принимаемых в течение определенного длительного периода» (С. 114). Таким образом, свободное нахождение, в том числе свободное толкование права, осуществляемое судебским сообществом, является не пассивным придатком к официальному нормотворчеству, но необходимым и относительно автономным регионом правовой реальности, без участия которого поддержание целостности правового порядка оказывается недостижимым идеалом (С. 132).

Подводя итог сказанному, можно сделать вывод о том, что диссертация М. С. Куликовой вносит значительный и ценный вклад в изучение концепции Г. Канторовича, проливая свет на ранее неисследованные ее аспекты. Прделанная соискателем работа обладает, следовательно, необходимыми оригинальностью и новизной. Вместе с тем, как и в любом оригинальном исследовании, в работе имеются отдельные недостатки, на которые хотелось бы обратить внимание. Так, обсуждая значение псевдонима Гней Флавий, под которым был опубликован манифест Канторовича «Битва за правовую науку», автор ограничивается самой общей справочной информацией о данном историческом персонаже (С. 26). Между тем фигура Гнея Флавия для Канторовича имеет весьма важное символическое значение, акцентирующее роль судей в познании права и конструировании правового порядка, в силу чего деятельности «отца римского правосудия» следовало бы уделить, возможно, больше внимания.

Некоторые утверждения, встречающиеся в диссертации, являются неточными либо недостаточно убедительными. Так, по словам соискателя: «Семантический треугольник Г. Фреге в соотношении с классическими семантическими моделями, например, моделью Ф. де Соссюра, содержащей в себе только два элемента – знак (означающее) и реальный предмет (означаемое или значение), включает в себя дополнительный, третий, элемент – “смысл”, таким образом формируя ментальную связь между означающим и означаемым» (С. 63). С подобной трактовкой нельзя согласиться, поскольку, знак для Соссюра, не включал в себя никаких «реальных предметов» (это и невозможно для знака, являющегося сугубо ментальным образованием). Элементами знака, с точки зрения Ф. де Соссюра, являются звуковой, акустический образ (означающее) и психическое представление, вызываемое этим образом в сознании говорящего или слушающего (означаемое). Кроме того, весьма интересное предположение соискателя о влиянии, оказанном на Канторовича «Логико-философским трактатом» Л. Витгенштейна, не подтверждается никакими

фактическими аргументами, а потому остается лишь умозрительным догадкой, требующей более развернутого обоснования.

Заслуживает также отдельного рассмотрения связь учения Канторовича с позитивистскими (прежде всего, неопозитивистскими) концепциями первой половины XX столетия. Соискатель, с одной стороны, не игнорирует юридико-позитивистские истоки доктрины свободного права. Так, на с. 84 отмечается, что «формула долженствования», приведенная Г. Канторовичем «близка теории ступенчатой структуры правопорядка Г. Кельзена». С другой же стороны, временами складывается ощущение, что соискатель чуть ли не противопоставляет Канторовича позитивистам, что, на наш взгляд, не вполне справедливо, поскольку, с точки зрения типологии правопонимания, Г. Канторович стоит значительно ближе к позитивистам (причем не только к Г. Кельзену, но и к Г. Харту, а также к другим представителям аналитической юриспруденции), чем к социологической юриспруденции Е. Эрлиха или Л. Дюги. Последнее обстоятельство, а именно что Канторович являлся позитивистом, а Эрлих – нет, позволяет обосновать существенное различие концепций «живого права» и «свободного права», рассмотренное в диссертационном исследовании (С. 12).

Сформулированные замечания имеют характер научной дискуссии и не ставят под сомнения высокий уровень диссертационного исследования М. С. Куликовой. Диссертация Куликовой Марии Сергеевны на тему: «Судебная методология Г. Канторовича: критический анализ поиска “свободного права”» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель Куликовой Марии Сергеевны заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по научной специальности 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки. Нарушения пунктов 9 и 11 указанного Порядка в диссертации не установлены.

Член диссертационного совета
Заведующий кафедрой гражданского и
трудового права Северо-Западного института
управления Российской академии народного
хозяйства и государственной службы, доктор
юридических наук, доцент

Разуваев Николай Викторович

Разуваев Н.В. Разуваев
- заверено.

Начальник организационного отдела
Юридического факультета
С.В. Лебедева
С.В. Лебедева
Дата: *07 августа 2023 г.*

07.08.2023 г.